

ТЕНИ БЕЛОЙ ПРИСТАНИ

# АРХИВ ЗА ПОСЛЕДНИМ МОРЕМ

АЛЁНА СЕВЕРИНА

# **Алёна Северина**

## **Архив за последним морем**

*<https://litres.ru/74669642>*

*SelfPub; 2026*

### **Аннотация**

В соседней Усть-Мерце корабли возвращаются без записей об экипажах, а дети просыпаются с чужими именами. Следы ведут к сети береговых договоров, в которой один город расплачивается памятью за безопасность другого. Мира, Лев и Соня отправляются за пределы Белой Пристани, чтобы разорвать цепь, не оставив без защиты ни один из портов.

# Алёна Северина

## Архив за последним морем

### Глава 1. Человек без фамилии

В Усть-Мерце людей встречал не вокзал, а ветер. Он поднимался с серого моря, оборачивал запах солянки вокруг портовых складов и ударял приезжему в лицо ещё до того, как трап парома касался причала. Мира Ланская стояла у поручня с дорожной сумкой и думала, что за последние месяцы выучила слишком много способов бояться бумаги, зато так и не научилась спокойно переносить качку.

Лев держал в руках термос и изучал расписание обратных рейсов. Они договорились приехать на четыре дня: столько им официально выделил городской архив для обмена опытом по восстановлению записей. За юридическими запросами в Усть-Мерцу следили местные уполномоченные органы. Лев не имел права вести здесь самостоятельное расследование, и его раздражение по этому поводу слышалось даже в том, как он закручивал крышку термоса.

— Мы не собираемся арестовывать местный реестр прямо на причале, — сказала Мира.

— Я знаю. Просто хотел бы быть уверен, что нам дадут увидеть документы, ради которых нас пригласили.

— Нина Шерстова написала, что будет ждать.

— Нина Шерстова позвонила ночью с сообщением об ис-

чезающих фамилиях. Через сутки официальный архив сообщил, что такой сотрудницы у них нет.

Мира обернулась.

— Ты не говорил.

— Потому что ещё не выяснил, относится ли это к делу. Её личный номер отвечает. Она сама прислала письмо, но в справочнике муниципального учреждения фамилия не значится. Может быть, кадровая ошибка. Может быть, она работает по договору.

Мира вспомнила первые недели в Белой Пристани, когда ей ежедневно приносили документы о людях, которых город никогда не признавал существовавшими. К счастью, теперь она умела сдерживать желание немедленно объявить обычную ошибку следствием Дома.

— Сначала найдём её, — сказала она.

Они сошли на берег. Терминал выглядел скромно: стеклянное помещение, два билетных окна и стенд с правилами перевозки опасных грузов. За воротами стояла небольшая очередь к автобусу. Люди разговаривали о цене рыбы, осенних штормах и недавней задержке контейнерного судна. Все эти привычные заботы неожиданно успокоили Миру.

У выхода к ней подошёл мужчина в морской куртке.

— Вы из Белой Пристани? — спросил он.

— Да.

— Тогда мне нужно с вами поговорить. Я пять часов пытаюсь доказать пограничной службе, что возвращаюсь домой.

Ему было около сорока. Обветренное лицо, короткая борода, красные от бессонницы глаза. В руках он держал паспорт моряка с потрёпанной обложкой. Лев попросил представиться.

— Денис Корнеев. Старший механик буксира «Агат». Был в море две недели, вернулся вчера. Вчера же оказалось, что в городе не зарегистрирован ни мой брак, ни рождение дочери, ни моя работа. Паспорт настоящий, но местные базы теперь считают фамилию недействительной.

Он показал документ. На странице с фотографией имя и фамилия читались ясно. Дата выдачи, печать, номер. Однако в распечатке муниципальной службы, которую Денис получил час назад, после имени стоял прочерк. В графе «семейное положение» указали «не установлено».

— Жена меня узнаёт, — сказал Денис. — Дочь звонит и спрашивает, когда приеду. А мне говорят, что я не могу быть её отцом, потому что в нашем городе нет записей о таком человеке.

Мира не стала брать документы без разрешения. Попросила записать контакт и узнать, согласен ли Денис передать копии архивисту. Он согласился немедленно.

— Мне сказали, что к нам приезжают люди, которые уже разбирались в таких случаях, — объяснил он. — Нина Шерстова из архива велела искать вас.

— Вы знаете её? — спросила Мира.

— Да. Она единственная, кто не предложил мне ждать,

пока система сама исправится. Сказала: найдите людей, которые ещё умеют записывать имена на бумаге.

Денис повёл их к парковке. Его старенький автомобиль стоял у ограды. На стекле приклеен талон портового пропуска с фотографией владельца; в электронной базе пропуск уже числился недействительным. Денис усмехнулся.

— Машина помнит, что она моя. Люди тоже. А компьютеры спорят.

Они договорились встретиться вечером в архиве, чтобы получить документы при местном специалисте. Лев попросил его пока не подписывать заявления о добровольном изменении имени. Денис ответил, что уже отказался от трёх подобных форм.

— Меня пытались убедить, что это просто техническое соглашение, — сказал он. — Но в конце написано: «Предыдущее имя признаётся неиспользуемым для расчёта берегового обязательства». Я механик. Может, не понимаю юридических слов, но даже мне видно, что это не про паспорт.

Денис уехал. Мира долго смотрела вслед машине.

— Первый человек без фамилии, — сказала она.

— Первый встреченный нами, — поправил Лев. — В письме Шерстовой было восемь обращений. И это только те, кто нашёл архив.

\* \* \*

Нину Шерстову они нашли не в городском архиве, а в старой рыбной конторе за рынком. Дверь была открыта, на под-

оконнике стояли горшки с геранью. Нина — невысокая женщина лет пятидесяти с прямой спиной и взглядом человека, привыкшего отвечать на сотню вопросов в день, — сидела за столом, окружённая папками. На стене висела карта трёх портов, соединённых тонкими красными нитями.

— Простите за обстановку, — сказала она. — Из главного здания меня перевели позавчера. Официально — в связи с реорганизацией. Неофициально — после того как я отказалась передать оригиналы в центральный счётный архив.

Она показала удостоверение. Оно было настоящим и действующим, но в кадровом реестре напротив фамилии появился статус «ожидает подтверждения источника». По сути, женщину не уволили: система просто перестала признавать её доступ к архивным документам.

— Это началось с фамилий, — сказала Нина. — Сначала два моряка, потом учительница, потом дети. Люди помнят себя и друг друга. Их имена остаются в семейных письмах и на фотографиях. Но официальные записи словно перестают находить нужного человека.

Мира посмотрела на карту.

— Почему вы связываете это с Белой Пристанью?

Нина достала бумажную бухгалтерскую книгу с печатью старого фонда береговой устойчивости. На первой странице значились три порта: Белая Пристань, Усть-Мерца и Серебряная гавань. Под названием каждого был перечень «свидетельских обязательств», выраженных не рублями, а количе-

ством имён.

— Эти цифры я нашла, когда получила запрос о вашем деле, — сказала она. — В Белой Пристани отменили принудительные записи, вернули имена забытых и начали разбирать имущественные долги. На следующий день у нас появился первый человек без фамилии. Через неделю — восьмой.

— То есть долг перешёл от одного города к другому, — предположил Лев.

— Возможно. Но хочу доказательства, а не красивую аналогию.

Мира улыбнулась. Она знала, что сможет работать с этой женщиной.

Нина раскрыла папку с копиями. В ней были заявления моряков, школьные журналы, старые свидетельства о браке, записи частных врачей. В каждом деле фамилия существовала вне муниципальной системы и исчезала внутри неё после определённой даты. Большинство фамилий принадлежало людям, связанным с морем. Все они фигурировали в ведомостях, которыми когда-то подтверждали право порта на помощь из общего фонда.

— Их никто не выбирал специально, — сказала Нина. — По крайней мере, я не вижу такого следа. Похоже, система берёт тех, чьи имена когда-то использовали как гарантию исполнения обязательств.

— Люди снова становятся залогом, — тихо произнесла Мира.

— Или их прошлые записи становятся залогом. Разница важна. Мы не должны создавать ужасный рассказ, если можем описать точное действие.

Лев поднял взгляд на карту.

— Кто отвечает за общую систему?

Нина указала на маленький кружок посреди моря.

— Центральный маяк Семи Огней. Заброшен официально сорок лет, но в технических отчётах всё ещё числится местом хранения исходного реестра. Ни одна наша администрация не признаёт, что продолжает пользоваться его данными.

— А фактически?

— Время от времени оттуда приходят корректировки счетов. Их называют расчётами приливной устойчивости. Никто из нынешних сотрудников не знает, кто их подписывает.

Мира почувствовала знакомый холод. В Белой Пристани они открыли местный Дом, но настоящая система могла быть гораздо шире. Она вспомнила слова бабушки о портах, где счёт ещё идёт. Раньше это казалось предупреждением для следующей загадки. Теперь было похоже на инструкцию о действующем обязательстве, которое нужно остановить.

\* \* \*

К вечеру приехал Денис Корнеев с женой Верой и дочерью Катей. Девочке было десять. Она держала отца за рукав, будто боялась, что тот исчезнет, если отпустит. Мира предложила начать с обычных воспоминаний: когда они позна-

комились, кто присутствовал при свадьбе, где родилась Катя. Вера отвечала уверенно, Денис иногда поправлял детали, дочь перебивала обоих, вспоминая собственные семейные истории.

— Значит, вы все помните друг друга, — сказала Мира. — Есть фотографии, письма, записи врачей, документы из других городов. Мы будем использовать их как независимые источники.

— Но в школе ей сказали, что у неё нет законного отца, — сказала Вера. — Это уже повлияло на оплату обедов и льготу на проезд. Неужели нельзя просто показать паспорт?

Мира объяснила, что муниципальная база не равна действительности, но её ошибки способны причинять реальный вред. Она помогла составить заявление о временном признании сведений по независимым документам. Нина договорилась с местным адвокатом, который мог оспорить административный отказ.

Катя смотрела на Миру с подозрением.

— А если они опять сотрут папину фамилию?

— Тогда у нас останутся другие записи, — ответила Мира. — И мы будем требовать исправления. Но ты не должна одна защищать взрослые документы.

Девочка нахмурилась.

— Я и не защищаю. Я просто говорю правду. Папа — Корнеев.

Денис положил руку ей на плечо. Мира заметила, как

сильно у него дрожали пальцы. Человек, умеющий устранять неисправности в двигателе посреди шторма, вдруг не мог починить собственную фамилию на бумаге.

Когда семья ушла, Нина показала ещё одно дело. В нём исчезло имя человека, умершего много лет назад. Его могила стояла на кладбище, родственники помнили похороны, но в электронных актах смерти появился пустой номер.

— Система не только лишает живых прав, — сказала она. — Она разрывает связи с теми, кого уже невозможно спросить.

Мира вспомнила голос бабушки, который отдала за закрытие старого договора. Она не могла воспроизвести его, но всё ещё знала, кем была Нина Ланская. Мысль о том, что в другом городе теперь могут отнять даже запись об умершем человеке, наполнила её тихой яростью.

Лев заметил это и не стал просить успокоиться. Он просто предложил пройти до гостиницы пешком. За окном начался дождь, а в узких улицах Усть-Мерцы пахло рыбой и машинным маслом.

— Я думал, после истории с будущими реестрами мы больше не встретим людей, у которых кто-то пытается отнять собственную жизнь, — сказал он.

— Похоже, мы ещё не дошли до начала книги, где это правило придумали.

Он улыбнулся.

В гостинице Мира разложила документы на столе, но Лев

остановил её.

— У нас четыре дня. Я хочу, чтобы хотя бы один вечер мы провели не среди архивных папок.

— Ты предлагаешь гулять под дождём?

— Предлагаю поужинать. Здесь на первом этаже есть маленькая столовая. И я слышал, что у них готовят рыбу, которую не назвали ни в одном реестре.

Мира засмеялась. Она знала, что они снова окажутся за документами после ужина. Но согласилась отложить работу на час. Свобода выбирать настоящий вечер была слишком дорогой, чтобы отдавать её очередной загадке.

Ночью в номере зазвонил телефон. Нина Шерстова говорила быстро, стараясь не повышать голос.

— На причале обнаружили новое судно. В списке экипажа двадцать человек, а в реестре порта зарегистрированы только восемнадцать. Двое моряков находятся на борту, их товарищи узнают их, но разрешение на сход не выдаётся.

— Что с ними? — спросил Лев.

— Они не арестованы. И не могут высадиться. Их имена словно не принадлежат ни одному берегу.

Мира посмотрела в окно. На горизонте мигал маяк — тот, который, по официальным картам, давно не должен был работать. Она не знала, откуда исходит свет, но впервые ясно представила, как связаны все три порта: один город начинает помнить, другой за это обязан забыть.

Она взяла блокнот.

— Запишите названия судов и время прибытия, — сказала Нине. — Утром будем проверять каждую строку. Никто не должен пропасть между причалом и государственным реестром.

## Глава 2. Два человека на борту

Ночью пароход «Северная звезда» стоял у причала под дождём. На мостике горели три окна, на палубе двигались фигуры в оранжевых жилетах, а у трапа ожидали два сотрудника портовой администрации. Издалека ничего необычного не было видно: судно вернулось из короткого рейса, капитан сдавал документы, моряки хотели домой.

Мира приехала вместе с Ниной Шерстовой. Лев остался у охраны и разговаривал с местным представителем следственного отдела, который согласился принять заявления об административной ошибке. Он не пытался предъявлять свои полномочия следователя Белой Пристани: здесь они ничего не значили без взаимодействия с уполномоченным органом Усть-Мерцы.

Старший помощник капитана вышел на палубу и показал бумажный судовой журнал. В нём было двадцать записей о людях, выходивших в море. Капитан заверил каждую подпись. Однако электронный список экипажа, переданный в порт, содержал восемнадцать имён.

— Двое лишних, — сказал портовый служащий, и сразу поморщился. — Простите. Я не хотел так выразиться.

Один из моряков усмехнулся.

— Лишние — это когда на палубе ящики не помещаются. А мы работали две недели и хотим к семьям.

Его звали Юрий Степанов. Он был старшим матросом, женатым, с двумя детьми. Второго — молодого радиста Артёма Лукина — отправили в каюту после того, как он несколько часов доказывал, что не пробрался на судно тайком. У обоих были действующие удостоверения и записи в старом судовом журнале. В электронном порту их имена не находились.

Мира попросила Нину сверить записи с независимыми документами: медосмотр перед рейсом, выдача рабочей одежды, сведения о выплате аванса. Все подтверждали, что оба действительно наняты. Затем Нина проверила архивный индекс. На карточках моряков оказался одинаковый символ — узкий овал с тремя пересечёнными линиями.

— Это знак долгового поручительства, — сказала она.

Мира наклонилась ближе.

— Вы видели его раньше?

— В межпортовой книге. Там каждый такой овал соответствовал одной гарантии на случай, если другой берег не исполнит обязательство.

Лев подошёл к ним после разговора с местным следователем. Тот подтвердил, что моряков нельзя удерживать на борту без предусмотренного законом основания, а проблема в электронной записи должна решаться административной процедурой. При поддержке капитана, юриста перевозчика и

портовой службы им выдали временные разрешения на сход, пока документы проверяют.

Юрий Степанов спустился по трапу и долго стоял на мокром бетоне, словно хотел убедиться, что земля под ногами настоящая.

— Я вчера думал, что так и останусь человеком, который вроде есть, но нигде не зарегистрирован, — признался он. — Сначала смешно, потом страшно.

Артём Лукин позвонил матери. Мира слышала только обрывки разговора: «Да, я дома», «Нет, меня не задержали», «Не надо ехать сюда среди ночи». Рядом с ним Нина оформляла письменное подтверждение прибытия. На этот раз запись существовала независимо от того, признает ли центральный реестр фамилию.

После рассвета они вошли в контору капитана. Он показал схему рейса. Судно вышло из Усть-Мерцы, зашло на островную станцию у Семи Огней, затем прошло вдоль побережья и вернулось. Ни в одном иностранном порту не останавливалось. Но в бумагах было странное приложение: при посещении маяка капитан обязан передать список экипажа «для подтверждения северного счёта».

— Я не передавал, — сказал капитан. — Старый пункт договора, который никто не выполняет. На маяке давно нет постоянной команды.

— А список передавался автоматически? — спросила Нина.

Капитан проверил журнал радиосвязи. Перед островом оборудование действительно передало короткое пакетное сообщение с идентификатором судна и числом людей. Сам текст сообщения судовая программа не сохраняла. Его принимала береговая станция, обслуживаемая подрядчиком.

— Кто имеет доступ к списку? — спросил Лев.

— Портовая администрация, судовладелец и служба безопасности. Но старое оборудование могло дублировать сведения на общую сеть.

Мира записала номера устройств и время передачи. Она не хотела превращать береговой маяк в место, где магия самостоятельно крадёт фамилии, прежде чем найдёт настоящий путь данных.

\* \* \*

Днём Нина провела их по главному архиву Усть-Мерцы. Здание находилось в бывшем доме пароходства, где на лестницах сохранились массивные металлические перила и узкие окна, выходившие к морю. После временного отстранения Нины часть фондов перевели в закрытый сектор. Доступ к ним давали лишь по письменному разрешению, которое городской управляющий пока не подписал.

— Я работала здесь двадцать лет, — сказала Нина. — И впервые мне предлагают доказать, что у меня есть право посмотреть собственную опись.

В читальном зале их встретил заместитель директора Аркадий Серов. Он был вежливым, но говорил таким тоном,

будто каждую минуту опасался произнести лишнее.

— Мы готовы предоставить копии открытых документов, — сказал он. — Однако межпорттовые договоры относятся к техническим архивам и требуют согласования с комиссией по безопасности.

Мира спросила, где опубликованы правила доступа. Серов показал приказ, подписанный три месяца назад. В приложении стоял пункт: «Сведения, способные нарушить устойчивость памяти населения, предоставляются только при наличии экспертного заключения». Ни определения устойчивости, ни порядка получения заключения не было.

— Это не совсем правовая формулировка, — заметил Лев.

— Я понимаю, — ответил Серов. — Но приказ действует. И если я сейчас нарушу его, архив снова закроют целиком.

Он не выглядел противником. Скорее человеком, оказавшимся посередине между реальным страхом начальства и обязанностью сохранять документы. Мира попросила предоставить хотя бы журнал передачи фондов, не содержащий личных данных. Серов согласился после телефонного разговора.

В журнале значились ящики, отправленные в Серебряную гавань и Белую Пристань. Один из них был тем самым, о котором Нина рассказывала ночью: коробка с исходными актами исчезнувших фамилий. По документам её передали на временную реставрацию, но возвращать не собирались до за-

крытия долгового счёта.

— Восстановление бумаги не требует передачи человеческих имён в обеспечение кредита, — сказала Мира.

Серов развёл руками.

— Мне сказали, что без центральной сверки местные документы могут утратить силу.

Мира знала эту фразу. В Белой Пристани она звучала как «согласие предполагается». В Усть-Мерце — как «местные записи недостоверны». Смысл был один: живому человеку предлагали не доверять собственному свидетельству, пока скрытый реестр не позволит его использовать.

Они попросили встретиться с главой портового архива, но вместо директора пришёл представитель городской комиссии — Игорь Лугин. Высокий, грузный мужчина с обветренным лицом, больше похожий на капитана, чем на чиновника. Он носил старый свитер под пиджаком и не скрывал усталости.

— Вы из Белой Пристани, — сказал он, протягивая руку. — Я знаю о вашем деле. И сразу предупреждаю: у нас здесь не получится просто открыть все шкафы и объявить старые обязательства недействительными. Порт живёт благодаря страховым гарантиям. Если кредиторы перестанут им доверять, мы не сможем ремонтировать причалы.

Мира посмотрела на него спокойно.

— Если гарантия обеспечена чужим именем, которое человек не давал, её нужно пересматривать.

— Согласен, — сказал Лугин, чем удивил её. — Только у нас зимой бывает ледоход, которого ваша Белая Пристань никогда не видела. Если мы останемся без денег на защиту устья, люди потеряют дома и работу. Мне нужно не торжественное разоблачение, а способ сохранить берег.

— Тогда начнём с того, что не трогает безопасность, — предложил Лев. — Подтвердим существование моряков и остановим последствия неправомерного обнуления фамилий. А финансовые договоры проверим отдельно.

Лугин задумался. Потом попросил Нину подготовить список затронутых дел без персональных подробностей и обещал временный порядок выдачи справок по независимым документам.

— Не обещаю чудес, — сказал он.

— И не надо, — ответила Нина. — Достаточно работающей процедуры.

Вечером они вместе с Денисом Корнеевым вернулись к портовым воротам. Его временный пропуск уже признавали. Но в одной из баз всё ещё стояло, что он не имеет права сопровождать дочь в школьной поездке, потому что юридически не является её отцом.

— Значит, мы исправили только половину, — сказала Мира.

— Половина лучше, чем ничего, — ответил Денис. — Но вторая половина касается Кати, а не меня. Я хочу, чтобы её никто не учил сомневаться в собственной семье из-за како-

го-то счёта.

Нина пообещала оформить заверенную выписку из бухгалтерского акта рождения с независимыми свидетельствами. Денис поблагодарил. Мира заметила, как легко он хотел поверить в то, что всё уже решено; потом сам остановился и попросил копию записи. Он научился не доверять одному разрешению там, где нужны несколько независимых подтверждений.

\* \* \*

Поздно вечером Мире позвонила Соня из Белой Пристанни. После отъезда Миры и Льва она курировала фонд и работала с Платовой над отчётностью по компенсациям. Соня сообщила, что несколько старых дел внезапно изменили статус: вместо «компенсация назначена» появилась отметка «передано для межпортового зачёта». Люди не потеряли деньги немедленно, но бухгалтерская система пыталась направить их в другой город.

— Мы остановили перечисление, — сказала Соня. — Платова подняла независимые платёжные ведомости. Но если это часть общего счёта, к нам могут прийти новые требования.

Мира рассказала о морях. Соня долго молчала, затем сказала:

— Получается, наш город отменяет чужое исчезновение, а счётчик выбирает следующего человека в другом порту.

— Пока это гипотеза. Мы нашли совпадения, но не дока-

зали механизм.

— Я не хочу ждать, пока он выберет ещё кого-нибудь.

— И я. Но мы должны не повторить старую ошибку — решать чужую судьбу из страха.

Соня согласилась. Она предложила создать рабочую группу архивистов из всех портов и обмениваться только теми сведениями, которые люди согласились раскрыть. Полные личные дела останутся в своих городах, а независимые подтверждения будут содержать минимум данных, необходимых для восстановления записи.

— Если прежний договор использовал общие списки, — сказала Соня, — мы можем построить общую защиту без общего владения людьми.

Мира записала эту мысль. Она была ещё далека от технического решения, но в ней уже слышалось отличие новой системы от старой: доверие между портами не должно означать передачу прав другому берегу.

После разговора Лев попросил Миру убрать документы на ночь. Они вышли к причалу, где небольшие рыбацкие суда покачивались на тёмной воде. Он купил два стакана горячего чая у круглосуточного киоска и рассказал, что впервые за много лет не боится возвращаться домой без готового результата.

— Почему? — спросила Мира.

— Потому что дома есть жизнь, которую мы не строим по расписанию следствия.

Она посмотрела на него. В Белой Пристани оставалась её квартира с лампой бабушки и чашкой с трещиной. Там же была Соня, которая теперь сама принимала решения, и люди, которые продолжали работу. Мира поняла, что ей больше не нужно бояться оставить город на несколько дней. Она не была единственным хранителем памяти.

Они шли вдоль воды, когда на дальнем маяке вспыхнули три огня подряд. Лев остановился и посмотрел на часы. Старый маяк Семи Огней должен был быть необитаем. Местные рыбаки утверждали, что светоборудование демонтировали много лет назад.

— Может, автоматический сигнал, — предположил Лев.

Мира достала телефон и сделала снимок с указанием времени. Лишь потом позволила себе почувствовать страх.

На следующий день они нашли в архиве старую сигнальную книгу. Три огня означали: «Счёт принят. Передать остаток следующему берегу».

Мира медленно закрыла страницу.

У них была первая конкретная улика того, что межпортовой механизм не просто хранится в документах. Он продолжает работать. И его следующий приказ не спрашивает у людей, готовы ли они платить.

### Глава 3. Реестр ветров

Межпортовая книга пахла не сыростью, а железом. Нина Шерстова вынула её из шкафа, где раньше хранили корабельные манифесты, и положила на стол так осторожно, буд-

то внутри оставался работающий механизм. Кожаный переплёт был изношен у корешка, углы обтянуты серой тканью. На первой странице стояла дата: 14 ноября 1978 года. Та самая осень, когда в Белой Пристани заключили договор памяти.

— Раньше я думала, что это список морских страховок, — сказала Нина. — Записи похожи: порт, тоннаж, сумма обеспечения, подписи капитанов. Но рядом с каждым рейсом стоит графа «свидетельский остаток». Она не измеряется деньгами.

Мира открыла тетрадь. В первой строке значилось: «Белая Пристань принимает риск северного затвора, Усть-Мерца подтверждает три свидетельства». Во второй: «Серебряная гавань обеспечивает ледовую проводку, Белая Пристань сохраняет четыре имени». В третьей число свидетельств увеличивалось, когда вода поднималась выше определённой отметки.

— Это похоже на взаимное страхование, — сказал Лев. — Только в залог вместо имущества закладывали память о людях.

— Возможно, — ответила Мира. — Но не о любом человеке. Смотрите, как отмечены фамилии.

У нескольких имён стоял маленький знак из трёх пересечённых линий. Такой же был в старом судовом журнале Юрия Степанова и Артёма Лукина. Нина нашла запись о семье Корнеевых: её сделали задолго до рождения Кати. Тогда

Денис ещё учился в морском училище, а у родительского дома числился участок, который передали под строительство защитного мола.

— Он унаследовал не долг, а подпись, — сказала Нина. — Кто-то из старших подтвердил готовность семьи участвовать в общих работах. Потом этот пункт превратился в обеспечение имени потомков.

— То есть человек становится должником до того, как понимает, что происходит, — сказал Лев.

Мира вспомнила Надежду Веденину, чьё возможное рождение пытались сделать обязательным в предыдущем деле. Там кто-то закреплял будущее без согласия. Здесь прошлый договор переносил обязательства на людей, которые тогда ещё не имели права выбирать.

Они сверили несколько дат. Каждый раз, когда один из портов отменял незаконную запись или возвращал человеку право на имя, в соседнем возникала новая задолженность. Книга не фиксировала денежные переводы. Она показывала цепь «остатков» — кому теперь предстояло подтвердить риск вместо прежнего свидетеля.

— Это похоже на бухгалтерский счёт, который должен сойтись при любой цене, — сказала Нина.

— А если не сойдётся? — спросил Лев.

Она перевернула страницу. Там была короткая инструкция: «При недостатке свидетелей перенести обязательство в следующую гавань. Неподтверждённый остаток удерживать

в исходном реестре до установления нового имени».

Мира почувствовала отвращение. Механизм не спрашивал, почему имя стало неподтверждённым. Просто искал, кто ещё может заменить пустую клетку. Одна освобождённая запись не уменьшала долг, а передавала его дальше.

В Белой Пристани они открыли списки и остановили использование принудительных свидетельств. Счёт не исчез. Он перешёл к Усть-Мерце. Когда Денис Корнеев вернулся из рейса и его фамилия пропала из местной базы, у книги появился новый, аккуратно закрытый остаток.

— Получается, мы сделали людям здесь хуже, — тихо сказала Мира.

Лев не стал утешать её. Он понимал, почему ей хочется взять на себя всю ответственность. Но она не заключала исходного договора и не распоряжалась чужими именами.

— Мы не знали, что механизм переносит обязательства, — сказал он. — Сейчас знаем. И должны найти способ остановить, не назначив следующую жертву.

Нина показала старый чертёж. На нём три порта соединялись с островным маяком линиями, похожими на морские маршруты. Но линии не совпадали с фарватерами. Они шли от одного архива к другому, через подводные кабели сигнальных станций.

— Когда-то это была сеть оповещения о шторме, — объяснила Нина. — Каждый порт передавал соседнему показания воды и количество доступных судов. Потом решили объ-

единить её с реестром свидетельств. Отказ одного города автоматически становился требованием к следующему.

— Технический сигнал превратили в право собственности на человека, — сказала Мира.

В этот момент в архив вошёл Игорь Лугин. Он уже получил запрос на доступ к книге и хотел знать, почему приезжие работают с закрытыми материалами без присутствия городского представителя. Нина объяснила, что документы предоставлены в рамках публичного обмена копиями, а оригиналы остаются у неё. Лугин не стал спорить, сел напротив и попросил показать инструкцию переноса остатков.

Он читал её долго, затем неожиданно спросил:

— Вы уверены, что если мы отменим местные обязательства, беда не уйдёт в Серебряную гавань?

Мира не стала обещать.

— Пока не уверены. Именно поэтому нельзя просто повторить то, что мы сделали в Белой Пристани. Нужно понять всю цепь.

Лугин сжал переносицу.

— Я всё время считал, что мы расплачиваемся деньгами и работой за право пользоваться общей системой безопасности. Никто не сказал, что за отсутствие подписи кого-то вычеркивают из собственного дома.

— Ваша комиссия продолжает оформлять эти подписи, — заметил Лев.

— Значит, и наша ответственность есть. Но я хочу уви-

деть, как мы можем её исполнить без нового затопления.

Мира попросила организовать встречу с инженерами, которые знали независимую историю береговых сигналов. Лугин согласился, но предупредил: на неделю вперёд прогнозируют сильный ветер, и многие специалисты заняты подготовкой к шторму.

— Мы не будем отвлекать их от безопасности, — сказала она. — Нам важно как раз отделить безопасность от долгового счёта.

\* \* \*

Позже Нина провела Миру по старой сигнальной станции за городской библиотекой. В помещении стояли высокие деревянные шкафы, медные приборы и длинная карта береговых постов. На одном из столов сохранился аппарат для передачи коротких кодовых сообщений. Его клавиши были стёрты, а над ними висела таблица световых сигналов.

— Мой отец служил здесь связистом, — сказала Нина. — Он рассказывал, что три огня означают подтверждение принятого сообщения. Потом правила изменились. Три огня стали знаком переноса долга. Отец перестал произносить это словосочетание дома, будто боялся, что даже разговор с семьёй попадёт в реестр.

Мира спросила, почему он не рассказал о системе прямо.

— Он считал её необходимой для безопасности. В годы тяжёлых штормов соседи действительно помогали друг другу: присылали суда, рабочих, приборы. Потом обмен ста-

ли оформлять как обязательство, из которого нельзя выйти. Отец говорил: если порты начнут отказываться от общего счёта, каждый останется один перед морем.

— Он путал помощь с правом командовать, — сказала Мира.

Нина кивнула.

— Но это можно было понять только теперь, когда у нас есть независимые средства связи и другие способы страховать риски.

Они проверили схему кабелей. Часть линий давно была отключена физически, но сигнал от маяка всё ещё приходил через цифровой ретранслятор. Его обслуживала небольшая частная компания, сохранившая договоры с несколькими портами. На бумаге она отвечала только за передачу данных о воде. В настройках оборудования обнаружились дополнительные пакеты: «подтверждение свидетеля», «перенос остатка», «закрытие имени».

Нина сфотографировала экран с разрешения техника. Мира не стала пытаться самостоятельно вскрыть сервер: это было бы не только незаконно, но и опасно для сети предупреждений. Они попросили руководство компании предоставить документы о происхождении служебных команд и их использовании.

Техник, молодой человек по имени Тимофей, выглядел удивлённым.

— Я думал, эти пакеты давно никто не читает, — сказал

он. — Они передаются автоматически после каждой сверки. В руководстве написано: «Не удалять, иначе нарушится совместимость старых береговых станций».

— Вы знаете, что в них содержится? — спросила Мира.

— Нет. И сейчас понимаю, что должен был спросить.

Он предложил проверить журнал без отключения передачи. Нина получила копию, а Лев попросил предоставить официальный акт специалистам городской комиссии. Результат оказался тревожным: каждый раз, когда в Белой Пристани подтверждали восстановление чьего-то имени, ретранслятор отправлял короткий пакет в Усть-Мерцу. Через несколько часов в местных базах появлялись записи об утрате прежнего подтверждения.

Это было первое техническое совпадение, которое поддерживало гипотезу переноса. Но Мира хотела понять не только последовательность событий, а сам принцип: почему машина верила в отсутствие человека сильнее, чем живым свидетелям.

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.